

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ РАН ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ,
СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКОВ И ЛИТЕРАТУР

VARIETAS DELECTANS

Сборник статей к 70-летию
Николая Леонидовича СУХАЧЕВА

Санкт-Петербург
Нестор-История
2012

УДК 80
ББК 80
V 29

Varietas delectans. Сборник статей к 70-летию Николая Леонидовича Сухачева / СПб.: Нестор-История, 2012. – 592 с.

Редколлегия:
А. Х. Гирфанова, С. В. Иванов,
Н. Н. Казанский, Е. Р. Крючкова, А. И. Фалилеев

*Утверждено к печати
Институтом лингвистических исследований РАН*

ИЗДАНИЕ ПОДГОТОВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
гранта № НШ-4453.2012.6 Президента РФ
«Школа индоевропейского сравнительно-исторического языкознания»
(рук. Л. Г. Герценберг, Н. Н. Казанский)

ISBN 978-905987-27-4

© Коллектив авторов, 2012
© ИЛИ РАН, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Нестор-История», 2012

П. Е. Бухаркин

«КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО К КРАСНОРЕЧИЮ...»
М. В. ЛОМОНОСОВА КАК ЯВЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

1

То, что поэтические произведения М. В. Ломоносова являют собою одно из высших достижений русского слова XVIII столетия, вряд ли нуждается в аргументации или может быть подвергнуто сомнению. Так же как и бесспорный эстетический статус его ораторской прозы, признанный уже его современниками. Но не меньшей языковой выразительностью отмечены и ломоносовские научные труды: они интересны не только выражаемыми в них научными идеями, но и — в не меньшей степени — своей речевой фактурой, которая делает ученые трактаты Ломоносова в некотором роде феноменами русской словесности, важными не для одних историков науки, то также для историков русского литературного языка и даже русской литературы¹.

Подобная культурная ситуация была обусловлена обстоятельствами достаточно разного свойства; далеко не последнюю роль играла (среди них) эпоха, к которой Ломоносов принадлежал, — эпоха рефлексивного традиционализма². Эта грандиозная (как по временной протяженности, так и по оставленному

---

¹ Укажу в данной связи на книгу А. В. Чичерина «Очерки по истории русского литературного стиля» (М., 1977), в которой научная проза Ломоносова рассматривается в качестве одного из высших достижений прозаического стиля XVIII века.

² Понятие рефлексивного традиционализма было предложено С. С. Аверинцевым. См.: *Аверинцев С. С. Историческая подвижность категории жанра: опыт периодизации // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции*. М., 1996. С. 107–112. А. В. Михайлов, подойдя к этой же эпохе с точки зрения функционирования литературного слова, определил ее как культуру «готового слова». См., в частности: *Михайлов А. В. Поэтика барокко: завершение риторической эпохи // Михайлов А. В. Языки культуры*. М., 1997. С. 116–118.

культурному наследству) эпоха охватывает VII–V века до Р. Х. — XVIII век по Р. Х. При всей естественной вариативности доминирующих мировоззренческих систем и духовно-идеологических интенций, ей были присущи и некие константы, в частности цели и смысл познания осознавались носителями рефлексивного традиционализма в общих чертах одинаково. Они в конечном счете заключались в обнаружении некоей сокровенной основы бытия, трансцендентной по отношению к отдельному человеческому сознанию; даже лишь приоткрытая человеку, данная основа, заключая в себе истину, способна привести его к счастью, включающему в себя благо, справедливость и красоту. Процессы воплощения результатов такого умопостижения истины в слове, что было необходимо для передачи постигнутого другим людям, регулировались риторикой, которая недаром определялась не просто как искусство красноречия (понимая его, по Квинтилиану, как *ars bene discendi* или же как *ars ornandi*; впрочем, данные толкования не противоречили одно другому и между собою могли вполне мирно уживаться), но и как искусство *правильной* жизни, правильной в смысле ее соответствия истине. Причем в различных речевых жанрах доминировали в чем-то разные составляющие риторики: в сочинениях научных (научных вообще, вне зависимости от конкретной науки, к чьему ведению они относились) на первый план выходили логико-аналитические начала риторики, в поэзии (т. е. в художественной литературе) — языковые, позволяющие явить истину как красоту. Эти доминанты, разводя науки и поэзию, вместе с тем не разрывали их внутренней связи: в конечном счете они вели к одному — к обнаружению истины, которая, начиная с христианизации античной мысли, понималась как величие Божие; такое осмысление истины сохранялось и в постгуманистическое время, к которому принадлежал Ломоносов.

Конечно, родственность науки и поэзии вовсе не означала их полной идентичности; слово науки близко, однако не тождественно поэтическому слову. Первое стремится к ясности, при всем великолепии и пышности, при несомненной восторженности ломоносовского научного стиля он, в целом, ясен и прозрачен; смысл ученого трактата обычно складывается непосредственно из прямого значения составляющих его слов, при всей своей

эстетической заряженности он, скорее, статичен. С поэтическим произведением дело обстоит сложнее: его семантическое поле гораздо менее определено, границы такого поля размыты, а главное, оно само подвижно, в нем действуют уже не статические, но динамические смыслообразующие силы. Динамика эта образуется прежде всего сложным взаимодействием внутри его смыслового пространства прямого лексического значения составляющих его слов с другими содержательными стратегиями, связанными в первую очередь с поэтической формой.

Семантической сложности такого уровня научные сочинения Ломоносова лишены. Но все же они, хотя и существенно иначе, решают те же конечные задачи, что и поэзия, решают посредством слова, причем слова по возможности эстетически совершенного. Именно поэтому Ломоносов так беспокоился о стилистической безукоризненности ученых своих трактатов; он совершенно отчетливо осознавал их *литературные* достоинства, в частности их значение для созидания ему желаемого и им самим создаваемого литературного языка. «На природном языке разного рода моими сочинениями, — писал он в прошении на высочайшее имя о своем увольнении (1762), — грамматическими, риторическими, стихотворческими, историческими, также и до высоких наук надлежащими физическими, химическими и механическими, стиль российский в минувшие двадцать лет несравненно вычистился перед прежним и много способнее стал к выражению идей трудных»³. Точные («высокие»), гуманитарные науки, поэзия, кроме решения своих собственных задач, преследуют и общую для всех них цель — совершенствование языка. И это, естественно, их предельно сближает, делая малоощутимыми границы между ними. Прозрачность границ усиливается окружающим словесное творчество Ломоносова литературным контекстом, даже шире, теми общими принципами отношения к слову, которые определяли речевое поведение человека в его эпоху. Риторическая культура не предполагала жесткой и обязательной связи между тем, что мы называем художественной литературой, и вымыслом; эстетическая ценность текста определялась не выразительностью мимесиса, а красотой, прихот-

³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Т. 10. М.; Л., 1957. С. 352.

ливостью, необычностью сочетания слов друг с другом, она была связана в первую очередь с актуализацией тех имманентных возможностей, которые были заложены в самой структуре слова. Данные качества могли с одинаковой интенсивностью проявляться как в фикциональном (т. е. придуманном) словесном мире, так и в жанрах, направленных на прямое описание окружающего мира, в частности в естественнонаучных сочинениях. В случае с Ломоносовым так и происходило, поэтому его произведения, вне их принадлежности к научному или же поэтическому дискурсу, в известной мере становились литературными фактами, причем такими, какие в самой существенной степени воздействовали на развитие языка. Только что приведенные слова Ломоносова показывают, что сам он это ясно осознавал и придавал данной стороне своей деятельности особое значение.

Такое отношение к научным сочинениям делает их отчасти и литературными произведениями, что, в свою очередь, требует филологического их изучения. Риторические трактаты Ломоносова в данном отношении, естественно, не составляют исключения; более того, их значение как необходимых объектов филологического исследования значительно усиливается еще двумя обстоятельствами, отсутствующими в отношении ломоносовских естественнонаучных трудов. Первое из них, впрочем, в равной мере затрагивает все его филологическое наследие, «Российскую грамматику» или «Предисловие о пользе книг церковных...» в несколько не меньшей степени, чем «Краткое руководство к риторике» или «Краткое руководство к красноречию...». Все они, будучи выразительными фактами научной мысли, одновременно представляют собою феномены русского языка в его попытках собственного самоосознания. Можно сказать, что в «Кратком руководстве к красноречию...» (так же как в «Российской грамматике» и прочих филологических трудах Ломоносова) посредством ломоносовского интеллекта, выполняющего в данном случае функцию некоего органа выражения рефлексий языка над собственными природой, способом воздействия на мир и путями развития (если иметь в виду «Предисловие о пользе книг церковных...»), русский язык явил самое себя в наиболее совершенных своих образцах, равно глубоких осмыслением внутренних языковых законов и блестящих совершенством их

речевого выражения. Данное обстоятельство придает филологическим сочинениями Ломоносова совершенно особый статус и требует предельного внимания — в том числе — и к структуре их текста.

2

Второе из упомянутых обстоятельств уже касается только «Краткого руководства к красноречию...» Оно связано с известной двуприродностью этого произведения, соединяющего в себе высокоученый риторический трактат и собрание литературных примеров; свои положения и определения Ломоносов неизменно иллюстрирует прозаическими или поэтическими произведениями, являющимися конкретным воплощением в литературной практике отвлеченных правил. Иллюстраций этих много, одних стихотворных текстов насчитывается около семидесяти; некоторые из них невелики по объему, однако встречаются и достаточно внушительные стихотворения: басни, анакреонтическая ода «Ночною темнотою...», перевод «Eхегі monumentum...» Горация («Я знак бессмертия себе воздвигнул...»), переложения 14-го и 145-го псалмов, «Вечернее размышление о Божиим величестве при случае великого северного сияния» и др. К поэтическим примерам надо присовокупить и образчики прозаических сочинений; особенно богата ими третья книга — «О расположении». Здесь встречаются обширные и вполне законченные произведения, такие как перевод диалога Эразма Роттердамского «Утро» (§ 221), или же «Разговоры в царстве мертвых» Лукиана (между Александром и Ганнибалом). Велико по размеру и целостно завершено и замечательное рассуждение, предложенное в § 271 в качестве иллюстрации следующего силлогизма: «Если что из таких частей состоит, из которых одна другое бытие свое имеет, оное от разумного существа устроено. Но видимый мир из таких частей состоит, из которых одна для другой бытие свое имеет. Следовательно видимый мир от разумного существа устроен»⁴. Рассуждение это лучше всего определить как «маленький трактат, где автор говорит о природе и о человеке, о живых процессах бытия, о единстве ясно и верно познаваемой материальной дейст-

⁴ Ломоносов М. В. Сочинения. Т. 3. С. 294.

вительности»⁵. «В нем, — по верным словам М. И. Сухомлинова, — выражается основная мысль Ломоносова, высказанная им в нескольких сочинениях и заключающаяся в том, что изучение творения ведет к познанию Творца»⁶. Использование разных источников (Цицерона, Иоанна Златоуста, Г.-В. Лейбница, К. Вольфа)⁷ не препятствует самостоятельности: Ломоносов лично захвачен тем, о чем пишет, перед нами не холодное упражнение изощренного в риторических правилах ума, а ответственный поступок человека, переживающего свою мысль как жизненную позицию.

Встречаются прозаические фрагменты — и не так уж редко — и в других книгах «Краткого руководства к красноречию...» Это примеры рассуждений (§ 82), описаний (§ 58), афоризмов (§ 41) и, конечно же, отрывки из эпидейктических речей — Демосфена, Цицерона, Григория Назианзина, Иоанна Златоуста, Амвросия Медиоланского. Жанровый спектр высокой прозы (а она одна и заслуживала признания в глазах людей середины XVIII столетия) представлен в ломоносовской риторике едва ли не во всей полноте⁸. Это в совокупности с поэтическими текстами делает «Краткое руководство к красноречию...» «первоклассной литературной хрестоматией»⁹, в том числе — хрестоматией жанров.

Конечно, риторический трактат классической эпохи (т. е. всего огромного периода рефлексивного традиционализма) по своей природе предполагал включение в себя разнообразных примеров: отвлеченные рассуждения — для того, чтобы быть сперва усвоенными, а затем используемыми как руководство для создания новых произведений, — нуждались в своеобразном разъяснении, которое и представляли собой литературные фрагменты; классическая риторика учила построению правильных текстов двояким способом: с помощью правил, экспликация которых составляла, так сказать, «теоретическую» часть рито-

---

⁵ Чичерин А. В. Сила поэтического слова. М., 1985. С. 207.

⁶ Ломоносов М. В. Сочинения. Т. 3. С. 521 (вторая пагинация).

⁷ См.: Там же. С. 521–531 (вторая пагинация).

⁸ Мной были указаны далеко не все из даваемых Ломоносовым жанровых образцов и тем более из приводимых им конкретных примеров.

⁹ Западков А. В. Поэты XVIII века: М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин. С. 151.

рического трактата, и с помощью образцов, заимствованных (в виде фрагментов разного объема) у наиболее авторитетных авторов. Поэтому, начиная с «Риторики» Аристотеля (впрочем, как раз в данном отношении не очень интересной — по части примеров Аристотель был весьма сдержан), метариторические классические трактаты (античные, средневековые, гуманистические, постгуманистические, т. е. барочные/классицистические), как правило, включали в себя достаточно внушительную хрестоматийную часть — естественно, не оформленную как композиционно самостоятельный раздел. Подобная практика была распространена и в восточнославянской словесности XVII — первой половины XVIII века, которая в своих элитарных (как в социальном, так и в интеллектуальных аспектах) регистрах, европеизируясь, активно усваивала риторику. Восточнославянские латиноязычные трактаты включали в себя авторитетные поэтические (в широком смысле, т. е. художественно-литературные) иллюстрации к заключенным в них теоретическим моделям. Пожалуй, наиболее выразительный пример в данном отношении дает «*De arte rhetorica*» Феофана Прокоповича¹⁰, наполненная отсылками к сочинениям весьма разнообразных авторов — как античных, так и раннехристианских; в одних случаях — это именно отсылки, ограничивающиеся простым перечислением образцов: так, раздел одиннадцатый («О похоронной речи») восьмой книги «О эпидейктической или украшенной речи») обширного этого лекционного курса завершается пунктом 8, озаглавленным «Примеры»; в нем указаны наиболее значимые, по мнению Феофана, сочинения подобного рода — Григория Назианзина, Григория Нисского, Амвросия Медиоланского, Иеронима. В других случаях автор дает свой пересказ нужного ему отрывка — в двенадцатом разделе («О надгробных надписи или epitaphii и про другие краткие речи, также и про остроу») той же восьмой книги находим, в частности, изложение фрагментов «Панегирика Траяну» Плиния Младшего. В третьих случаях Феофан предлагает собственные вариации авторитетного

---

¹⁰ «*De arte rhetorica*» представляет собою лекционный курс, прочитанный Феофаном в Киево-Могилянской академии в 1706–1707 годах на латинском языке.

текста: заключая этот же 12-й раздел 8-й книги примером, он дает свой вариант части речи Цицерона «В защиту закона Манилия», адресованной Помпею, предваряя его следующим комментарием: «<...> предлагаю тут коротенькое слово про великого Помпея, которое удалось создать на основе речи Цицерона „В защиту закона Манилия“»¹¹. Наконец, в четвертых случаях (их — большинство) приводятся прямые цитаты: например, в третьем разделе («О чувстве любви, стремления, заботы и тревоги») книги пятой («О рассмотрении страстей») обильно цитируются Овидий, Корнелий Непот, Сенека, Марциал, Вергилий.

На таком фоне литературная составляющая «Краткого руководства к красноречию...» М. В. Ломоносова на первый взгляд не кажется ни необычной, ни, тем более, выдающейся. Однако это не так; некоторые — и весьма весомые — моменты придают литературным иллюстрациям ломоносовского трактата совершенно особый смысл, во всяком случае, в границах русской культуры. Во-первых, литературные примеры обильны (если говорить о восточнославянской словесности доломоносовского времени) едва ли не исключительно в латиноязычных риторических трактатах, метариторические сочинения на русском языке их почти не знают — это относится и к «Риторике» митрополита Макария, и к «Риторике» М. Усачева, и к поликарповскому переводу «Риторической руки» Стефана Яворского, и к выговским старообрядческим риторикам. Подобная ситуация легко объяснима: русская словесная культура просто не обладала необходимыми литературными ресурсами — собственная литературная традиция казалась в данном случае неподходящей, включение латинских (тем более греческих) фрагментов в русскоязычный трактат представлялось неуместным (по целому ряду причин, в том числе — и чисто дидактических), и к переводу таких фрагментов авторы, вероятно, были не готовы. Поэтому риторические трактаты на русском языке оказывались в литературно-иллюстративном отношении весьма бедными; в них упоминаются те или иные образцы (без этого риторический трактат обойтись все же не мог), но или в виде простых упоминаний, или же как

---

¹¹ Прокопович Феодан. Філософські твори: В 3 т. Т. 1: Про риторичне мистецтво: Різні сентенції. Київ, 1979. С. 406.

неопределенный пересказ, причем совсем лишенный всяких претензий на сохранение риторического совершенства образца. В «Кратком руководстве...» дело обстоит совершенно иначе: его многообразные поэтические иллюстрации (как стихотворные, так и прозаические) передают риторические образцы именно как образцы для упражнений, причем как образцы на *русском языке*. Для этого они должны были быть совершенными, и Ломоносов прилагает все огромные свои литературные силы для достижения искомого совершенства — как правило, с несомненным успехом; ничего подобного восточнославянская риторическая теория до этого не знала¹².

Второй момент неразрывно связан с только что сказанным. Весомость «литературной» составляющей «Краткого руководства к красноречию...» многократно усиливалась благодаря поэтическому гению Ломоносова: художественные иллюстрации в трактате (как оригинальные произведения или же как русские эквиваленты классических авторитетов) принадлежали перу великого поэта. Пожалуй, после Цицерона европейская литература классического типа не знала подобного примера (с некоторыми оговорками здесь можно назвать также Грациана): фундаментальный риторический труд был создан не просто выдающимся интерпретатором речевой деятельности, но и гениальным творцом.

В-третьих (опять-таки, нижесказанное прямо вытекает из предыдущего), многие художественные примеры «Краткого руководства к красноречию...» принадлежат исключительно Ломоносову, т. е. представляют собою плоды его непосредственных

---

¹² В европейской метариторической литературе в целом похожие случаи обнаружить можно. Например, Б. Грациан в своем риторическом компе́ндиуме «Остроумие или искусство изощренного ума», как правило, снабжал приводимые примеры переводом, часто сопровождавшимся комментирующими пояснениями (см.: *Штейн А. Л., Брагинская Н. В. Комментарии // Испанская эстетика: Ренессанс. Барокко. Просвещение. М., 1977. С. 635*). Но его переводы-толкования прилагались к оригиналам, Ломоносов же оригиналы опускает, предлагая исключительно свой *русский* вариант образца. Учитывая малую разработанность новой литературной традиции в России середины XVIII века (которая в качестве литературной традиции еще и не осознавалась) и связанное с этим отсутствие собственных литературных авторитетов, классические образцы на русском языке приобретали совершенно особую значимость.

творческих фантазий, не являясь переводами. Что, однако, не лишало их предельной авторитетности. Европейская риторическая традиция подобных случаев не скажу чтобы не знала, но они имели в ней исключительный характер. В контексте русской литературной культуры середины XVIII столетия данное обстоятельство приобретало дополнительный смысл — с известной долей преувеличения, но все же вполне основательно можно видеть в «Кратком руководстве к красноречию...» первый в России опыт авторского собрания сочинений и переводов — фрагментарного, но, тем не менее, несущего в себе определенную концепцию дальнейшего развития русской литературы.